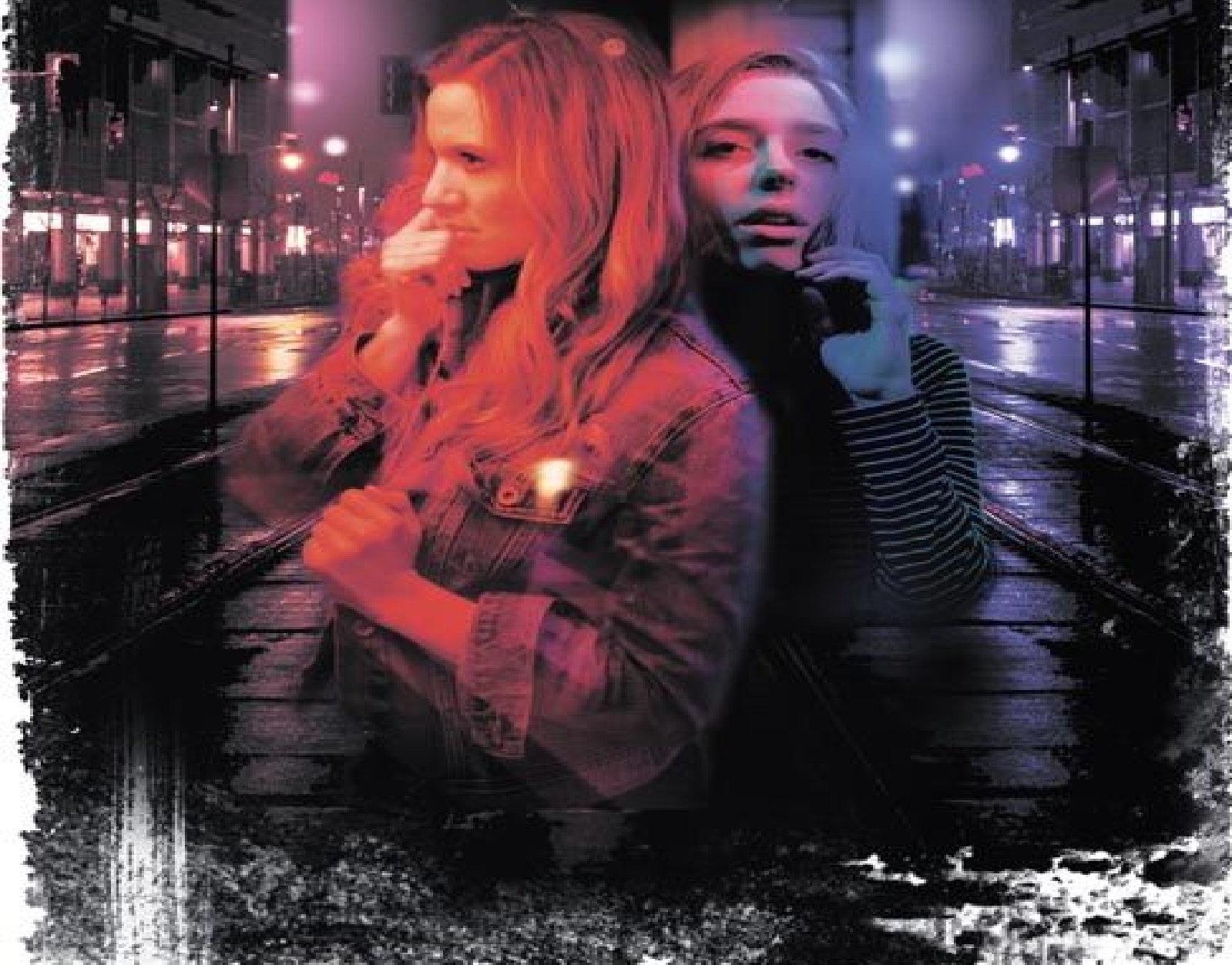

ЖИВОЙ ЗВУК

«Давай убежим отсюда!» — предложила журналисту Игорю новая знакомая, певица Анжела Солнцева. Они провели ночь в его холостяцкой квартире. Уходя, Анжела оставила на зеркале отпечаток своих губ. А через час попала в автомобильную аварию. Игорь мчится к ней в больницу, но Анжела не узнает его и выгоняет прочь. Дальше — больше: ее близкие начинают пропадать. Какие тайны скрывает Анжела Солнцева? Почему с ее именем связывают имя известного в криминальных кругах торговца наркотиками? Игорь Варава начинает расследование с риском для собственной жизни. Об этом — «Живой звук», детективный роман в стиле «нуар».

АНДРЕЙ КОКОТЮХА

ЖИВОЙ
ЗВУК

Андрей Кокотюха

Живой звук

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

© Кокотюха А., 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и
художественное оформление, 2020

ISBN 978-617-12-8010-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Електронная версия создана по изданию:

«Давай втечемо звідси!» — запропонувала журналістові Ігорю нова знайома, співачка Анжела Сонцева. Вони провели ніч у його парубоцькій квартирі. Йдучи, Анжела лишила на дзеркалі відбиток своїх вуст. А за годину вона потрапила в автомобільну аварію. Ігор мчить до неї в лікарню, але Анжела не впізнає його і проганяє геть. Далі — більше: її близькі починають зникати. Які таємниці приховує Анжела Сонцева? Чому з її ім'ям пов'язують ім'я відомого в кримінальних колах торговця наркотиками? Ігор Варава починає розслідування з ризиком для свого життя.

Кокотюха А.

К59 Живой звук : роман / Андрей Кокотюха ; пер. с укр. М. Лисицкой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 288 с.

ISBN 978-617-12-7946-9

ISBN 978-966-03-4491-4 (укр.)

«Давай убежим отсюда!» — предложила журналисту Игорю новая знакомая, певица Анжела Солнцева. Они провели ночь в его холостяцкой квартире. Уходя, Анжела оставила на зеркале отпечаток своих губ. А через час попала в автомобильную аварию. Игорь мчится к ней в больницу, но Анжела не узнает его и выгоняет прочь. Дальше — больше: ее близкие начинают пропадать. Какие тайны скрывает Анжела Солнцева? Почему с ее именем связывают имя известного в криминальных кругах торговца наркотиками? Игорь Варава начинает расследование с риском для собственной жизни.

УДК 821.161.2

Переведено по изданию: Кокотюха А. Живий звук : роман / Андрій Кокотюха. — Харків : Фоліо, 2008. — 282 с.

Перевод с украинского *Марты Лисицкой*

Осторожно, ненормативная лексика!

Дизайнер обложки Иван Дубровский

Есть люди, которым на роду написано быть жертвами.

Жорж Сименон

Люди носят маски, на которых изображены портреты тех, кем они хотят или кем должны быть. Благоприятный случай не меняет человека, а только снимает с него маску. Ваше настоящее лицо вас удивит. Но оно было там всегда.

Клиффорд Ирвинг

Восходит Солнцева

Я подхватил с подноса наполненный шампанским фужер и прошел внутрь.

На подобных тусовках случается бывать нечасто. Можно сказать, практически не случается. Потому я не понял, все уже началось, ничего еще не началось или так и должно быть.

Как для вечеринки в клубе средней престижности, тут было слишком тихо. Хотя людей уже набилось довольно много, да и поили не только шампанским. Мимо меня проходили девушки-официантки, разнося виски в пузатеньких бокалах, красное вино и сок в высоких стаканах. Мне казалось, что народ, который собрался для разврата на халяву, должен состязаться, кто больше выпьет. Но именно алкогольные напитки почему-то активным спросом не пользовались.

Гости в основном налегали на закуски. Увидев выложенную на блюде горку жареных куриных крылышек, я вспомнил, что не обедал. Так что сразу пристроился возле этой хавки за ближайшим столиком.

Место имеет несколько очевидных преимуществ. Столик стоит рядом с выходом. Мимо него все проходят, не обращая внимания на того, кто там окопался. Всегда можно незаметно для других слинять. Хотя вряд ли кто-то из присутствующих будет особенно обеспокоен как моим появлением, так и бегством.

А в том, что отсюда скоро нужно будет уносить ноги, у меня не было никаких сомнений.

Я и идти сюда не очень-то хотел. Впрочем, меня особенно и не приглашали. Просто, позвонив продюсеру с целью традиционно спросить: «Ну, как там ваше ничего?» — неожиданно услышал вежливое: «Слушай, старик, у нас завтра типа корпоратив. Съёмки окончены, по этому поводу небольшой прием. Все свои будут, так что я тебя приглашаю». — «А я разве ваш?» — «Говно вопрос, старик! Приходи, короче!»

Короче, я пришел. Сам не знаю, для чего. Скорее всего, просто из интереса.

В небольшом зале стоял полумрак. Тем не менее, схрупав три крылышка и запив их глотком холодного шампанского, я наконец огляделся вокруг и увидел все, что хотел увидеть.

В углу за двумя сдвинутыми столиками расположились, очевидно, самые «свои» из всех «наших». Продюсера Колю Комарницкого сложно не заметить. Этого великана, как я узнал, в тусовке киношников дразнят Кинг Конгом. Он говорит что-то смешное, машет руками, и каждое его предложение вызывает дружный женский смех.

Среди дам, которые обсели «свой» столик, мои глаза выхватили и идентифицировали актрису лет сорока — она часто играет бизнес-леди и жен бизнесменов в российских сериалах. Я не смотрю сериалы, просто регулярно читаю «Городскую неделю». А там недавно было с ней интервью: Люська Корбут выпросила у меня телефон Комарницкого и договорилась о встрече со «звездой» сама.

С режиссером Ромой Барабашем я тоже познакомился. Собственно, продюсер и режиссер — единственные, с кем я тут был на самом деле знаком и с кем плодотворно работал почти два месяца. Попытки напиться с обоими сразу или с каждым отдельно не удались. В отличие от офицеров полиции, с которыми мне приходилось иметь дело намного чаще, эти люди искусства, в частности кинобизнеса, сухой закон почти не нарушали. По сто вискаря за знакомство — максимум, который я смог себе с ними позволить. Некогда пить, оправдался тогда Комарницкий, даже скорчил виноватую рожу.

Некогда — значит, некогда. Значит, так и будет.

Теперь же сидят, лакают — аж бегом. Подобные фуршеты — тот самый легальный повод оттянуться по-человечески хотя бы несколько раз в году. Коля Кинг Конг слишком активно жестикулирует своими длинными руками, к одной из которых будто прирос бокал, а Роман тихонько сидит в самом дальнем углу и, кажется, медленно, но уверенно наливается. Хрен их разберет, этих творческих людей...

Не то чтобы мне было абсолютно необходимо выпить с деловым партнером. Просто я привык именно к таким алкогольным отношениям со всеми, с кем по роду деятельности имел дела. В первую очередь это были менты. А менты — народ, который живет по принципу «наливай и пей». Очевидно, на трезвую голову ни один из

них не мог понять и объяснить, почему у нас если и ловят кого-то серьезного, то очень быстро отпускают. А объяснения, данные на пьяную голову, не имеют юридической силы и, соответственно, не могут идти в прессу.

Кстати, о наших птичках. Держа левой рукой очередное крылышко, а правой накладывая себе на тарелку салатик из квашеной капусты, я уже успел зафиксировать в полутьме клубного зала нескольких персонажей, которых в свое время замели и быстро выпустили на волю, где эти экзотические птицы летают до сих пор. Где-где, а тут, на частной вечеринке киношников, я никого из них увидеть не рассчитывал.

Ни с одним из них я лично не знаком. Они тоже не знают о моем существовании, а если знают, то особенно не беспокоятся. Мое существование в этом мире им ничем не грозит. Хотя ваш покорный слуга заведует в «Городской неделе» отделом криминала. И на каждого из этих типчиков, так же как и на многих других, мне регулярно несут компромат и подчиненные, корреспонденты моего отдела, и внештатные авторы из числа добровольных и бескомпромиссных борцов с криминалитетом.

Например, Григорий Ефимович Захаревич. Вот он, возле барной стойки, попивает кофе и грузит что-то симпатичной молодой элегантной паре. Парень, которого я вижу в профиль, активно кивает. Девушка держит своего спутника под руку, поедает Захаревича глазами и благоговейно молчит. Видно, президент финансовой группы «Юг» втирает им мудрые вещи. Но вряд ли рассказывает о том, как в девяносто седьмом признался в организации финансовых махинаций и сел, тогда как его ближайших партнеров отстреляли в течение трех месяцев.

Мужчины разработали схему, которая помогала им кидать на бабки и банкротить не только несчастные государственные промышленные предприятия, но и таких же, как они, партнеров по бизнесу. Причем раскрученная Захаревичем и компанией машина работала настолько успешно, что фабрика по производству валенок на Винничине, которую официально признали банкротом в конце девяносто седьмого, согласно отчетной документации, брала заказы на валенки вплоть до сентября девяносто восьмого. И если бы количество товара, указанное в документах, на самом деле было изготовлено и реализовано

потребителю, то в валенки теоретически должно было бы обуться все взрослое население не только Винницкой, но и соседней с ней Хмельницкой области. На воле Захаревич оказался через три года после вынесения приговора, а уже через год этот бывший «король валенок» объединил под крыло финансовой группы «Юг» нескольких мелких банков. Сегодня его называют олигархом, и у него, кроме всего прочего, небольшая телекомпания.

Или Александр Семенович Гнатюк, он же Саня Гнат. Десять лет назад контролировал секс-бизнес в отелях на Левом берегу. Сегодня он имеет долю в нескольких казино, ресторанном бизнесе и, по проверенным слухам, финансирует несколько сайтов и глянцевого журналов. Ага! Точно! Журнальные обложки в киосках! Вот где я видел девочек, которые не ходят — плывут за ним из угла в угол парой, молча прихлебывают сок и резиново улыбаются каждому, с кем мистер Гнатюк здоровается.

Я хотел продолжить наблюдение за этими и другими сомнительными типами, когда кто-то поздоровался со мной.

— Варава! Игорь! Привет! А ты тут как? За кусочком славы?

Люська Корбут, собственной персоной. Коллега, за культуру у нас отвечает.

Только ее тут и не хватало...

Оставив свою тарелку с салатом и сыром бри, Люська примостилась рядом со мной и быстренько наложила себе в чистую посудину точно такой же продуктовый набор, который ела несколько минут назад. Стрельнув глазками и выловив паренька-официанта, она подмела с подноса сразу два бокала с красным вином, опустошила один до половины и вытерла губы салфеткой, которую небрежно бросила на поднос другому пареньку.

— Какими судьбами?

— А ты? — Мне же надо было что-то отвечать.

— Я тут, — Люська обвела помещение рукой, — работаю.

— А я отдыхаю. Если уж пришел за кусочком чего-то, то вот этой курицы, — объясняю в тон коллеге и берусь за очередное крылышко. — Пива к ним не хватает.

— Можешь заказать, тебе принесут. — Опытная фуршетчица кивнула в сторону бара.

— Не хочу. Это я так, для поддержания разговора. Я, вообще-то, за рулем...

Ляпнул — и пожалел.

— Класс! Вот кто меня сегодня домой довезет! Довезешь, Варавя?

— Не знаю. Как сложится. Может, не рисковать? Шампанского я все-таки глотнул...

— А разве это для нормального мужика что-то значит? Слушай, а правда, как ты тут?

— А ты?

— Говорю же тебе — я на работе! С Солнцевой буду договариваться про интервью. Она сейчас должна тут быть. Звонила ей, она в пробке застряла на Подоле.

Скользнув глазами по циферблату часов, я обреченно вздохнул. Шесть тридцать вечера, март месяц, на улице — слякоть и действительно пробки. Это означает, что как минимум час придется сидеть тут. Потому что к себе домой мне как раз нужно ехать через Подол, а раньше чем через час ситуация не изменится. Дай бог, чтобы к восьми все рассосалось.

Н-да, придется пересидеть тут. Уютно, кормят, но, если честно, скучновато. Возможно, я ошибался, ожидая какого-то шоу. Более того, присутствие вчерашних бандитов, а ныне легальных и успешных бизнесменов, наносило моему профессионализму, а главное, моей совести болезненные раны. Потому что каждый из этих образцовых граждан — тема не для одного материала, а для целой серии статей на криминальную тематику. Их даже есть кому писать. Чего там, сам не поленюсь порыться в своих архивах и набить на клавиатуре пару-тройку сенсаций.

Даром потрачу время. И людей даром гонять.

Не то чтобы наше издание кого-то серьезно боялось. Просто одобрить публикацию статьи про Саню Гната должен наш редакционный юрист. А юрист вполне справедливо спросит: «Есть ли у вас, Игорь Степанович, документально подтвержденные факты?» — «Факты есть, — честно скажу я нашей юридически грамотной мадам. — С документами проблема». Тогда мадам юрист пойдет с моей писаниной к редактору. Он — вменяемый мужик, двадцать лет в журналистике, где-то даже понимает мою правоту и соглашается со мной. Только все равно руками разведет: куда ж без официальных

документов, куда ж на непроверенных фактах... Правда, для очистки совести тоже возьмет мою писанину и пойдет с ней к собственнику нашего медиахолдинга. А собственник медиахолдинга поинтересуется прямо, так, как умеют интересоваться собственники медиахолдингов: «Кто заказал Гнатюка мочить? С кем вы меня хотите поссорить? Собственная инициатива? И кто из вас больший идиот?»

Все, до свидания. Есть статья о проблемах подростковой наркомании — ее, Игорь Степанович, и готовьте к публикации. Что там на очереди? Нарушение правил дорожного движения народными депутатами Украины? Не надо пока что. Лучше то же самое, но о депутатах Киеврады. Желательно, чтобы среди нарушителей фигурировали и представители промэрского большинства, и деятели оппозиции. Только сторонники мэра? Не годится, не объективно. Значит, пусть материал доработают. А что у тебя там за истории? Убийство Васи Бриллианта? Кто такой? Ага-а, один из последних воров в законе, по слухам, убитый российскими спецслужбами? Когда это было? Пятнадцать лет назад? Вот как раз это без проблем...

— Заснул, Варава?

Нет, я не заснул. Просто когда у меня появляется свободное время, я начинаю накручивать себя подобными размышлениями, пытаюсь договориться о чем-то с самим собой. Если же ни о чем не договариваюсь, то в лучшем случае обхожусь несколькими бутылками темного пива... В последний раз, когда меня начали грызть подобные мысли, я оклемался на третий день от телефонного звонка. Жена звонила от мамы и сказала, что не вернется, разве что я сам позову.

Еще чего. Сама прибежишь... Или не прибежишь. Свобода лучше. Свободу не остановить.

Было это полгода назад. С того времени особенных изменений не замечалось. Но затягивать себя в болото подобных мыслей как-то не хотелось. Потому я вернулся на скучную вечеринку, даже тряхнул головой.

— Нет, не сплю. Кто, говоришь, сейчас приедет?

— Анжела Солнцева! — Из уст Люськи это прозвучало так, будто сюда должна зайти как минимум воскресшая Мэрилин Монро.

— Извини за низкий уровень личной культуры, но что это такое?

— Ты музыку слушаешь, Варава? Что-то кроме шансона по радио?

— Почему по радио? У меня дома большая коллекция блатняка. Я включаю эту музыку одинокими вечерами.

— Ясно, что одинокими! — фыркнула Люська. — Я тебе про музыку говорю! — Иронии она явно не поняла.

— Знаешь, я рокер старой закалки. Слушаю «Роллинг Стоунз», «Пинк Флойд»... Ну, какую еще тебе музыку назвать? Или это для тебя не музыка?

— Ты такой дремучий, Варава, что я даже иногда удивляюсь! Анжела Солнцева — открытие года, самая модная теперь певица! Ее хотели на «Евровидение» выдвигать, и она таки поехала бы, если бы не разные там интриги! «Поцелуй меня завтра» — хит сезона!

— Почему завтра, а не сегодня?

— Что — не сегодня?

— Ну, поцеловать. Сегодня же лучше, чем завтра или, например, вчера...

— С тобой, Варава, культурному человеку не о чем поговорить! — Люська сделала еще один глоток вина уже из другого бокала — первый она успела опорожнить, пока я думал о наболевшем.

— Тут кругом культурные люди. И говорят они исключительно о творчестве Анжелы Солнцевой, правильно?

— Чтобы ты не сомневался! Ее, Варава, в это кино взяли специально для дополнительного пиара! Думаешь, раз ты у нас все это придумал, значит, прибыль гарантирована? Это на таком уровне решалось, что тебе лучше не знать, испугаешься!

Интересно, каким уровнем хочет напугать меня наша всезнающая Люська Корбут?

Я хотел немедленно спросить ее об этом, но в это время в зале что-то случилось. Пчелиный гул негромких, неторопливых и необязательных разговоров вдруг стих. Большинство голов повернулось ко мне, а если быть совсем точным — в мою сторону. Как известно, сидел я возле выхода. Следовательно, гости посмотрели на человека, который входил в зал. А Коля Кинг Конг с удивительной для человека его стати грацией и ловкостью легко выплыл со своего места и, лавируя в фарватере между столиками, встретил очередных гостей просто у входа.

— Солнце, Анжелочка, ну где же вы вот это ездите?

Когда Комарницкий начал приближаться ко мне, я машинально встал. Грешным делом мне показалось, что это Люська своими криками о моем невежестве привлекла внимание гостей. И теперь Коля Кинг Конг спешит меня спасать. Потому я вежливо сделал шаг ему навстречу, но одновременно с тем хозяин вечеринки уже тискал в своих кингконговских объятиях молодую блондинку, одетую во что-то полупрозрачное, темное и блестящее одновременно.

Приветствие было бурным, но коротким. Пожав руку спутнику блондинки, суровому, будто отчеканенному на жести мужчине лет сорока с серебристо-седыми висками, Комарницкий отстранился, наконец заметил меня, хлопнул изо всех сил по плечу и прогудел:

— Классно, что пришел, старик! Айда познакомлю! Ты знакома с Игорем, Солнышко?

Блондинка отрицательно качнула головой. Взглянула на меня. Наши взгляды встретились.

Я пропал.

— Значит, знакомьтесь, любі друзі...

— Сам такой, — беззлобно огрызнулся на Колю Кинг Конга толстяк с элегантным платком вокруг шеи.

Бывший президент Ющенко уже давно не обращается так к людям — «любі друзі». Но невинное словосочетание, которое объединяет в себе дружбу и любовь, уже пошло в народ как один из символов тупости, кумовства и заодно коррупции: трех источников и трех составляющих частей действующей власти. Чего это я так — любой власти это касается...

— Хочу вас познакомить! — не обращая на него внимания, твердил Комарницкий.

Так продолжалось уже минут двадцать, с тех пор как я, Люська, Анжела Солнцева и ее седой кавалер перебрались за «продюсерский» столик. Места сразу же стало не хватать, началось придвигание столиков и стульев, и процесс явно напряг режиссера Рому. Видно, он привык сам всем руководить или, что более вероятно, не любил, когда кто-то вмешивался в его личное пространство.

Когда начался весь этот движ, Роман попробовал подняться и перейти со своим бокалом, в который он задумчиво сливал всю водку из стопочек, в более спокойное место. Но с одной стороны в него

вцепилась известная по сериалам актриса, с другой — путь к отступлению загородила Люська. Режиссер обреченно сел, и, разглядев теперь своего приятеля вблизи, я поставил ему достаточно профессиональный диагноз: художник в полушаге от алкогольной истерики. Вот что значит длительное вынужденное воздержание!

Но когда с другой стороны меня коснулось бедро Анжелы, я напрочь забыл о режиссере.

С одной стороны, я холостячил уже достаточно давно. Это не означает, что в сексуальном плане я был на голодном пайке. Наоборот, последние месяцы супружеской жизни ознаменовались обоюдным воздержанием, и, став свободным, я не то чтобы сорвался с цепи, но, как собственник свободной однокомнатной квартиры, смог наконец сделать свою интимную жизнь несколько разнообразнее.

Нет, тут было что-то другое: оказавшись так близко от женщины, которая всегда будет для таких, как я, недоступной, я почувствовал что-то большее и даже более глубокое, чем обычное мужское влечение к белокурой красавице. Альпинист, который хоть раз честно признавался себе, что именно эту вершину ему никогда не покорить, поймет меня.

Тем чаще покоритель вершин приходит к подножию скалы своей мечты.

Анжела Солнцева была в моем понимании классическим образцом женщины из мужских мечтаний.

Я заставил себя не отодвигаться, и бедро певицы уверенно прижалось к моему. Чтобы чем-то заняться, я подвинул к себе злосчастный бокал с шампанским. Анжела не обращала на меня внимания, хотя готов поспорить на что угодно: моя чисто кобелиная реакция на нее не могла ускользнуть от ее внимания. Но, наверное, она уже привыкла к озабоченным и масляным мужским взглядам, поэтому восприняла меня как очередного поклонника, который, оказавшись возле «звезды», не верит своему счастью.

Тем более что своими попытками сказать какой-то тост Коля Кинг Конг на самом деле всех утомил — его никто не хотел слушать. К Анжеле обращались сразу трое: Люська, которая должна была наклоняться через меня, толстяк с платком и еще какая-то женщина в короткой для ее рискованного возраста юбке. Солнцева вертела головой, в результате не слыша ничего. Ее спутник равнодушно наблюдал за

этим. Мужчина рядом с ним старался о чем-то говорить, господин Седые Виски лишь кивал.

Режиссер сделал еще один глоток из бокала, пальцами снял с деревянных шпажек оливки и для чего-то бросил их в водку. Потом начал гонять оливки в водке пластиковой соломинкой для коктейлей, через которую толстяк пил сок со льдом. Он не просил — протянул руку и взял. Процесс полностью захватил Романа.

Наконец Комарницкому удалось перекричать всех:

— Вы будете слушать меня, мать вашу?

— Коля, ты хочешь что-то сказать? — поинтересовалась актриса, будто только что вышла из параллельного мира.

— Да! Да! Я хочу познакомить вас с одним классным мужиком! Игорь Варава! Встань, Игорь, покажись!

Я едва поднял задницу, еще теснее прижавшись бедром к бедру Анжелы.

— Вот это, люди, Варава! Самый криминальный из криминальных элементов... Тьфу, мать... Журналистов! Криминальных журналистов! Если бы не он, мы бы все тут не сидели, вот так! А если бы сидели, то по другому поводу!

— Что же вы такого сделали? — поинтересовалась российская актриса.

— Убил вашего любовника, — спокойно ответил я.

Ее глаза сделались правильной круглой формы и, казалось, полезли из орбит. Я молчал, наслаждаясь эффектом, а Комарницкий тут же внес ясность:

— Зоечка, это по сценарию! Он автор, он все придумал!

— А-а-а, — с явным облегчением выдохнула актриса. Анжела Солнцева засмеялась.

— Та-а-ак, ну а наш золотой голос вам, любі друзі, представлять не надо!

— Я так думаю, Солнышко, раз уж ты пришла, то и споешь нам, — скорее заявил, чем спросил толстяк.

— Это, Сашенька, будет вам оч-ч-чень дорого стоить! — Анжела, играя, выставила палец и качнула им в его сторону.

— Почему мне? Разве сегодня не будет концерта?

— Не будет, — развела руками Анжела. — Заплátите за трек в интернете, послушаете. Слушать надо легально. Пиратам бой. Правда,

Бобрик?

Господин Седые Виски вздохнул, поднялся и, держась прямо, двинулся через зал в сторону туалетов.

— Ясно, — услышал я над ухом ремарку Люськи. — Носик пудрить пошел[1].

Она говорила это так, чтобы отреагировал в первую очередь я. Сработало: я повернул голову к ней, и коллега опередила мой вопрос:

— Ага. Ты правильно все подумал. Тот еще бобрик. Целый бобер, я бы сказала.

Я окончательно перестал понимать, как тут надо себя вести. Ситуацию спасла Солнцева.

Вернее, не молодая женщина, которая сейчас сидела рядом, а певица в образе шансонетки из провинциального кабака. Плазменная панель, расположенная прямо перед нами почти под самым потолком, вдруг перестала транслировать клипы без звука. С экрана, как и с экранов еще трех панелей, расположенных в зале, исчезло изображение, чтобы через мгновение появиться. Только теперь это был самый свежий клип Солнцевой.

Честно говоря, я не видел ни одного. Но в том, что в этот момент всем присутствующим показывали самый свежий, сомнений не было.

В клипе использовали наиболее вкусные кадры из фильма «Ожерелье тайн», снятого по первой и единственной книжке, которую я пока что сподобился написать.

Роли певицы в моей истории сначала не было. Просто для режиссера Романа Барабаша это тоже был первый фильм. До этого он, как я прочитал в нашей таки газете, много и успешно снимал клипы. А Солнцева, говорят, модная певица, к тому же успела поработать с Ромой. Вот так в кабаке, где по сюжету процветала наркоторговля, и появился вставной номер с провинциальной певицей.

Я раньше не видел этого. Как для задрипанного кабака...

— Для задрипанного кабака слишком гламурно, — озвучил кто-то мои мысли.

Переведя взгляд, я снова встретился глазами с Анжелой.

— Нравится? — кивнула она на экран.

— Не знаю, — пожал я плечами. — Вроде нормально...

— Классно, — кивнула Солнцева. — Ромашка — клевый, профи.

Клип пойдет в ротацию[2] где-то через две недели, ну, перед

премьерой кино. Задумка такая, фишка...

— Хорошо. — Я не знал, о чем нужно говорить.

— Хорошо, — согласилась Анжела. — Значит, вы драматург?

— Журналист. — Я глотнул еще шампанского. — Просто знал как-то больше, чем можно было написать в статье. Сел, написал детективчик. Историйка простенькая, ничего особенного. События более-менее реальные... Не знаю, как киношники на меня вышли...

— Это ж хорошо!

— Наверное. Для меня все это вообще новое... Я вот и о вас ничего не слышал...

Анжела откинула рукой белокурую прядь, во взгляде певицы не осталось ничего от вежливости — ее сменило неподдельное любопытство.

— И музыку вы не слушаете?

— Солнышко, он в этом плане деревянный! — вставила Люська.

— Может, вас это обидит, но не слушаю. Эстрадную, во всяком случае.

— Х-ха... Знаете, меня еще никто не называл эстрадой. — Ни малейших намеков на обиду в ее голосе я не заметил.

— А как называли?

— Попсой в основном. Кстати, давай на «ты». — Я кивнул, и сразу после этого пухленькие губы Анжелы Солнцевой оказались вблизи моего уха: — Слушай, может, осторожно сбежим отсюда? Ты как?

Поцелуй в зеркало

Она не сказала «пойдем». И это правда было бегство. Мы действовали, будто партизаны-подпольщики или советские разведчики, которые должны оторваться от «хвоста», прицепленного гестаповцами или церэушниками (нужное подчеркнуть, ха-ха!). Пока что я не понимал, для чего моей новой знакомой эта игра, но принял ее без вопросов и предупреждений.

Значит, так нужно. Значит, эстрадные певицы именно так должны вести себя, когда общество им надоедает.

Ничего сложного в плане нашего побега не было. Анжела в этом небольшом заведении была если не своей в доску, то по меньшей мере завсегдатаем. Потому знала все ходы и выходы. Их тут было немного: парадный, возле которого стоял охранник с фирменным бейджиком, служебный — просто за барной стойкой, через кухню, и еще один — двери с тыльной стороны гардероба, который я по школьной привычке именовал раздевалкой.

Кстати, из-за этого слова я имел неожиданные проблемы. Как-то, еще до женитьбы, я непродолжительное время встречался с молодой киевской театралкой. Конечно, когда твоя подружка — фанатка театра, рано или поздно ты должен пойти с ней в театр. С тем, что у меня в шкафу нашелся хоть и немодный, но все-таки костюм и не нашлось ни одного галстука, она еще смирилась. Даже согласилась, что пиджак нормально подходит к джинсам и храм, которым она считала театр, я ни в коем случае не оскверню. Но когда я назвал театральный гардероб «раздевалкой», губы ее сложились в тонкую линию, весь первый акт она упрямо сбрасывала мою руку со своего обтянутого строгим платьем колена, а по окончании спектакля сухо сообщила: «Я поеду домой. Останови мне такси».

С тех пор я не перестал называть гардероб «раздевалкой». Но если оказывался в месте, где тетя или дядя готовы стеречь мою одежду,

делал все возможное, чтобы прихватить куртку с собой. Или оставлял ее в машине, как сегодня.

Вряд ли кто-то заподозрил, что я иду куда-то дальше, чем покурить: курильщики тут обязаны выходить на свежий воздух. Ни с кем не прощаясь, хотя вряд ли кто-то из новых знакомых умер бы без моего «до свидания», я не спеша прошел между столиками. Для Солнцевой я на эту минуту перестал существовать, она начала чирикать о чем-то с толстяком, повязанным шейным платком. По дороге к выходу я решил зайти в туалет, двери — напротив раздевалки. Тут было место только для одного. Дернул ручку — закрыто.

Так мы и думали. Если бы мужчина, которого Люська назвала Бобриком, не заперся или как раз выходил из дабла[3], я под каким-нибудь предлогом должен был отвлечь его внимание. Но все в порядке — спутник Солнцевой, очевидно, закрылся там навсегда. Что ж, это решало часть проблем.

Кивнув охраннику, я не спеша вышел на свежий, еще сырой от дождика мартовский воздух. Достал сигарету, и вдруг в голове выстрелило: план Анжелы не совершенен! Мы должны выйти по отдельности, с интервалом в пятнадцать минут, и я при необходимости должен немного задержать так называемого Бобрика, она — мило улыбнуться гардеробщице и, взяв куртку, выскользнуть через гардеробные двери. Но вдруг именно за эти пятнадцать минут ее спутник выйдет из сортира? И перехватит ее? Конечно, ему не остановить Анжелу, однако он вполне может привлечь к ней общее внимание.

Именно этого Солнцева, по ее словам, боялась больше всего. Потому что если такой, как я, может себе позволить прийти куда угодно и точно так же уйти прочь, не вызвав общего интереса, то известной певице это сделать сложно.

Я уже хотел возвращаться, но вовремя остановился. Если этот Бобрик сидит в дабле уже двадцать минут, то почему бы ему не посидеть там еще пятнадцать? Тем более если верить прозрачным Люськиным намекам, полным удивительного понимания взглядов всех остальных, кто сидел с нами за столиком, и моей персональной склонности к аналитике и кое-какому опыту работы с ментами, мы имеем дело с любителем занюхать кокаинчика.

Они, по моим наблюдениям, делятся на две категории.

Представители первой быстренько сделают свое дело в тихом месте, шмыгнут носом и вернуться назад, будто ничего не случилось. Так делают алкоголики, которым запрещают пить: спрятался, сделал большой глоток — и тут как тут. Представители другой четко знают: им никто ничего не запретит. Потому уединяются скорее для соблюдения приличий, стараются как можно меньше привлекать к себе внимания, получать свой кайф постепенно и основательно.

Тот, кого называли Бобриком, явно тяготел к другой категории. Следовательно, особо не будет торопиться выйти пред людские очи.

Потому я закурил, подошел к своей старенькой «вольво» и начал ждать.

Не долго.

Анжела Солнцева выпорхнула из-за угла дома даже быстрее, чем мы договаривались. Хотя нет, не быстрее — часы не спешили, просто условленные пятнадцать минут пролетели, как одна. Блондинка помахала мне рукой, будто старому другу, которого давно не видела. Я распахнул перед ней дверь: карету подано. Она бросила на заднее сиденье курточку, сама быстренько устроилась рядом с водителем.

Садясь за руль, я зацепил краем глаза символическую, как мне казалось, картину: мое фундаментальное пальто и легкомысленная курточка моей неожиданной спутницы лежат на заднем сиденье вплотную.

Поехали.

Куда — в тот момент не имело значения.

Я надеялся, что рано или поздно мы поедем ко мне, и вместе с тем боялся этого. Не назову себя неаккуратным холостяком, не скажу, что мне в моей однокомнатной «хрущевской» халупе в Академгородке так уж плохо и неуютно. Других вариантов размена нашей общей с женой квартиры на Нивках просто не было: «двушку» на седьмом этаже стандартного «брежневского» дома иначе как на одну нормальную однокомнатную там же и одну в «хрущевке» не поменяет никто. Наоборот, сейчас меня все устраивало.

Вот только устроит ли каморка с минималистической обстановкой мою неожиданную знакомую? Не пригласит же она меня к себе. Где она живет, кстати?

— Куда убегаем? — поинтересовался будто между прочим, когда «вольво» вырулила через Контрактную на Набережное шоссе.

— Вечер только начинается, — произнесла Солнцева, не глядя на меня, а потом вдруг повернулась всем корпусом, подмигнула, порылась в сумочке и добыла оттуда серебряный портсигар. — Зажжем огни?

Я, держа левой рукой руль, правой поднес ей огонек зажигалки. Только тогда обратил внимание на нестандартную форму сигареты, которую Анжела небрежно сжимала в пальцах. Когда она затянулась, выпустила пахучий дым и снова подмигнула, я молча опустил стекло со своей стороны.

Я не моралист.

Когда мне было девятнадцать, от меня из-за моего недосмотра забеременела однокурсница. Аборт решила не делать, просто забрала документы и вернулась к родителям в Конотоп. Никаких претензий к биологическому отцу — там она удачно вышла замуж за налогового инспектора.

Если я сам пишу и пропускаю к публикации заказные и даже проплаченные статьи, не делаю из этого никаких моральных выводов. Главное — чтобы меня никто не искушал взятками в виде премий и других нематериальных благ. Я достаточно цинично отношусь как к своей профессии, так и к миру, в котором живу.

К разводу привела не глупость жены, а мои специфические, хотя и не оригинальные взгляды на супружескую жизнь. Временами я напивался, оправдывая это потребностью снять стресс. Временами таскался по девкам, оправдывая свои поступки тем же и совсем не считая пару часов в чужой постели супружеской изменой.

Есть еще множество причин, почему я не имею права кого-то осуждать. Того же Бобрика с седыми висками.

Я просто против того, чтобы в салоне моей машины воняло шмалью.

Не знаю, как поняла мою реакцию Анжела Солнцева и поняла ли вообще что-то. Точно так же не знаю, у каждой ли звезды шоу-бизнеса в сумочке есть «веселые» сигаретки. Этот мир начал открываться для меня только пару часов назад, и выводов я не сделал никаких. Кроме разве что философского: «Плавали — знаем». Но все равно блондинка что-то почувствовала, причем это «что-то» явно не было для нее враждебным.

— Извини... Наверное, я должна кое-что объяснить.

— Прежде всего — куда мы едем. Я везу тебя домой или мы просто катаемся?

— Кататься до потери сознания не хочется. Домой еще рано. Я, кстати, в Буче живу, так что не ближний свет.

— Ну и не такой уже дальний. — В голове я успел вычислить, что нам теоретически по пути. — Так куда? Сейчас зеленый свет, двигать надо. Право, лево?

— Прямо. — Анжела сделала еще одну затяжку, задержала во рту дым, потом медленно начала выпускать.

— Прямо — через бортик и в воду.

— Тогда давай просто покатаемся. Где сейчас пробок меньше.

— О'кей, мэм. — Я крутнул руль в правую сторону и повел машину прямо по набережной.

Устроившись поудобнее, Анжела положила ногу на ногу, не стараясь прикрыть колено, которое при этом обнажилось достаточно смело.

— Ну?

— В смысле?

— Ты журналист, правильно? Значит, у тебя много вопросов ко мне.

— У нашей Люськи к тебе было много вопросов, — ответил я.

И вдруг вспомнил: Корбут же собиралась брать у Солнцевой интервью, а потом просила, чтобы я дождался ее и подвез домой. Будто вдогонку моим мыслям в кармане ожил телефон. Номер высвечивался незнакомый, только ведь я и правда не знал номера нашей самой культурной Люськи Корбут. Это могла быть она — с претензиями и скандалами.

Понимая, что это нужно отсрочить хотя бы до завтра, я не ответил и выключил телефон. Все, абонент не может принять ваш звонок. Следуя моему примеру, то же самое сделала и Анжела.

— Достанет? — поинтересовался я.

— Кто? — Она сделала круглые глаза. — Ты уже начинаешь спрашивать?

— Что ты хочешь, чтобы я у тебя спросил?

— Выплюнь словесную жвачку... Мы уже по кругу ходим: что, кто, кому, куда, как. Все вы какие-то такие...

— Я имею в виду того, с сединой. Бобрика или как там его...

— На самом деле Николай Бобров — мой первый и последний продюсер. — Анжела сделала очередную затяжку, посмотрела на огонек сигареты.

— Первый и последний?

— Зайди в интернет, почитай при случае, кого в машине возил. Хотя — ничего особенного. Всего лишь Анжела Солнцева. Если в самом деле есть люди, которые делают из других людей артистов, то Бобрик сделал меня. Так пишут. — Она снова усмехнулась. — Я его последний удачный проект.

— Опять «последний». Ты его уже похоронила?

— Почему — похоронила?

Лицо Солнцевой вмиг сделалось очень серьезным. Спокойным, но серьезным. Слово «похоронила» ей явно не понравилось.

Мы проехали по вечерней набережной Киева, повернули через Корчеватое на Московскую площадь, дальше — мимо Совских озер через Чоколовку к проспекту Победы.

И все это время Анжела Солнцева говорила. Она не жаловалась, не исповедовалась — просто выдавала новую для меня информацию.

Она рассказала, что два года назад Николай Бобров привез ее в Киев. Откуда — не важно. За год она перепела почти во всех клубах, на всех корпоративах, на большинстве сборных концертов. Ее приглашали петь на выборах, на открытии торговых центров, в детских домах. Бобров проплачивал эфиры в утренних и ночных программах, она сделала две эротические фотосессии для мужских журналов, рекламировала модное белье в одном женском. Наконец выпустили первый альбом «Солнце от заката до рассвета», отснятые клипы появились на музыкальных каналах, четыре песни из альбома стали хитами и закрутились на радио.

Она рассказала, как Николай Бобров в очередной раз доказал всем, что он — гениальный продюсер. Сначала он купил ей квартиру на Русановке, а когда Солнцева стала «звездой», посоветовал переселиться в пригород, в собственный домик. Спала ли она с ним? Да, певицы часто спят со своими продюсерами, только долго это не тянется. Когда работа продюсера дает результат, секс со «своей звездой» уже перестает играть какую-либо серьезную роль и даже начинает мешать. Потому они уже скоро год как не любовники и она имеет определенную финансовую независимость. Дом в Буче Анжела

купила за свои деньги. «Ауди», на которой она научилась ездить совсем недавно, подарили богатые поклонники. Ей только двадцать пять, а жизнь уже удалась.

А еще она поведала, что только два месяца назад узнала о давних проблемах своего «папы» Бобрика. В подробности вдаваться не хочет, да и не нужны они. Николай Бобров несколько раз лечился в наркологических клиниках. Раз — тут, в Киеве, раз — за границей. Последнее лечение дало эффект, он продержался больше трех лет. Почему он снова начал, кто ему подсунил кокаин и где он вообще его берет — Анжела не знает.

— Это, — она показала мне почти скуренный косячок, — ничего не означает. Я могу курить, могу не курить. Зато я не пью. И не пила никогда, мне плохо от спиртного. Трава попускает, расслабляет, мне это сейчас нужно.

Я промолчал, потому что, как уже говорил, меньше всего в этой жизни хотел быть моралистом, эдаким тридцатипятилетним «папой» для двадцатипятилетней девчонки. Но она почувствовала — надо что-то еще говорить, и говорила:

— Бобрик сказал, что нужно в кино пробиваться. Даже маленькая роль в детективе — это круто. Все увидят, все, сечешь? Потом толкнут на российский рынок, он больше.

— А как кино россиянам продадут? Война, запрещено вроде...

— Его точно продадут, не парься! Значит, там увидят меня в роли певицы, и можно уже говорить о российском рынке. На нашем ловить нечего, догоняешь?

— Честно — нет. Говорю же тебе, я от рыночных отношений далек. Если в них нет криминала.

— Потому я с тобой и сбежала от всех. Не понял? Мне сейчас нужен человек, мужчина, мужик, понимаешь?

— В какой роли?

— А, не важно! — Анжела опустила стекло со своей стороны, выбросила маленький бычок, заодно освежив нас сквозняком с каплями дождя, потом повела плечами, снова подняла стекло. — Главное — чтобы ничего обо мне не знал и не заставлял петь!

— Вот как! Это, значит, новые впечатления?

— Скорее, побег от старых.

— Часто просят петь?

— Достали! Сколько раз Бобрик предупреждал: у Солнцевой своя программа. Когда она выступает, у нее минимум три песни: стопудовый хит, потенциальный хит и новая. Максимум — полчаса. Альбом сорок пять минут звучит так, чтобы не весь его выпеть. Соответственно, бабки разные. Но просто так выйти к микрофону и проблеять кому-то: «С днем рождения, мистер президент!» — не ко мне.

Я не сдержал улыбки. Моя пассажирка в самом деле попробовала изобразить пение, но у нее вышло действительно что-то похожее на бляение.

— Вот такое условие, а остальное приходится терпеть. — Она вздохнула, как мне показалось, достаточно искренне. — Бобрик говорил: еще два, максимум три года, и Анжела Солнцева может позволить себе не ходить на разные там дебильные тусовки, не светиться где попало. Сможет выбирать, куда идти, а куда нет, ясно?

— Чего ж не ясно...

— Ага, ну а тут с ним самим все началось... Ты же сам видел...

— Ничего я не видел.

Это чистая правда: я засек, как Бобров пошел в сторону сортира, потом услышал недвусмысленные намеки Люськи Корбут, теперь — признания его подопечной. У меня нет особого желания смотреть, как кто-то нюхает кокаиновые дорожки или колет какую-то гадость себе в вены. Несколько часов назад про существование Солнцевой и ее продюсера я, к своему стыду или к своему счастью, не знал.

Итак, для меня, как журналиста, который в свое время написал несколько неплохих статей по результатам собственных журналистских расследований, рассказ Анжелы о себе и наркозависимости Боброва были всего лишь никем и ничем не подтвержденными словами.

Но я решил не объяснять своей неожиданной знакомой ничего.

— Короче, сегодня мне захотелось сбежать от него. Пусть сам с собой разбирается. — Слова повисли в воздухе. — Э-э, ты не думай... Я не намерена уходить от него или еще что-то там... Просто устала, понимаешь?

— Вы же с ним не живете...

— Это ничего не меняет! Он гибнет, не дай бог, погибнет, и я останусь одна.

— Звезды одни не остаются, — попробовал скаламбурить я. — Вон их сколько на небе.

— И каждая — отдельно! — вставила Анжела.

За этими разговорами мы доехали до Святошино. Возле бульвара Вернадского я притормозил.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ